

XVI $\frac{35}{10}$

1907

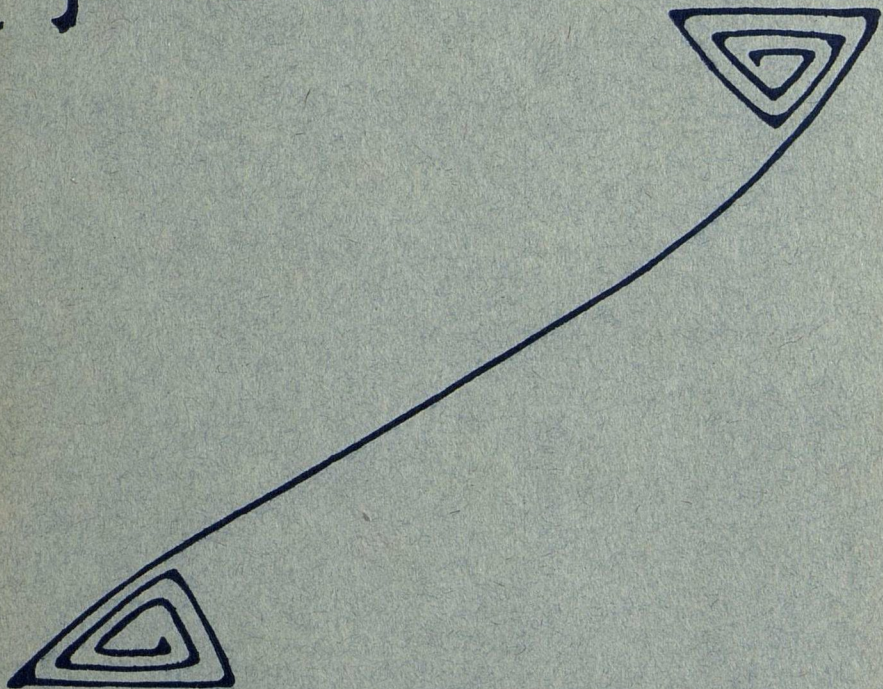
n 16-24

XVI 35
10

ДѢТСКІЙ МІРЪ

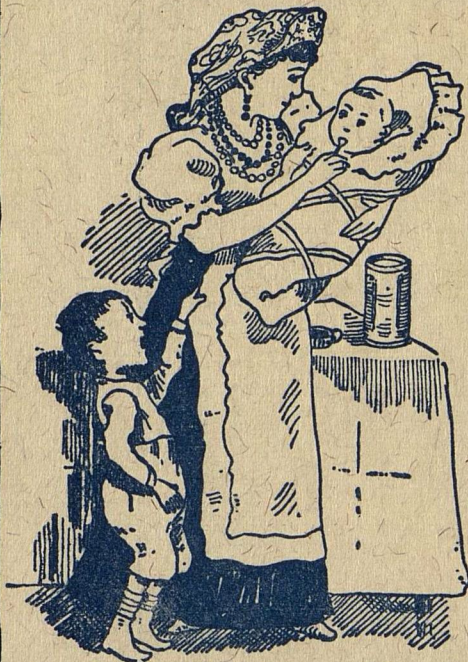
№ 16.

1 Септября
1907 г.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА

ФАБРИКИ ТОВАРИЩЕСТВА

„Р. КЁЛЕРЪ и К° въ Москвѣ“

не есть подражаніе общезвѣстнымъ питательнымъ препаратамъ для дѣтей, какъ молочная мука Нестле, мука Neaves'a, Mellin's food и т. п., а представляеть собой по новымъ научнымъ даннымъ составленный препаратъ, который былъ испытанъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, одобренъ и тамъ теперь введенъ въ употребленіе. Клиническія наблюденія, произведенныя весной и лѣтомъ сего года надъ „Дѣтской молочной пищей“, по свидѣтельству Главнаго Доктора Москв. Воспитательнаго Дома, Д-ра А. Н. Устинова, показали, что

„она легко переваривается и усваивается дѣтьми какъ старшаго, такъ и младшаго возраста, и въ особенности полезна для страдающихъ желудочно-кишечными расстройствами, такъ какъ при правильномъ употребленіи этой пищи, при строгомъ соблюденіи 4-хъ часовыхъ промежутковъ кормленія, отпаденія кишечника регулируются, у ребенка является спокойный сонъ, онъ игривъ и быстро прибываетъ въ вѣсъ.“

Одно изъ преимуществъ „Кёлеровской дѣтской молочной пищи“ заключается еще въ томъ, что она уже сама содержитъ молоко въ достаточномъ количествѣ въ сухомъ видѣ и поэтому при пользованіи ею нѣтъ надобности прибавлять ее къ молоку, которое не всегда можно имѣть одинаково доброначественное и отъ здоровой коровы.“

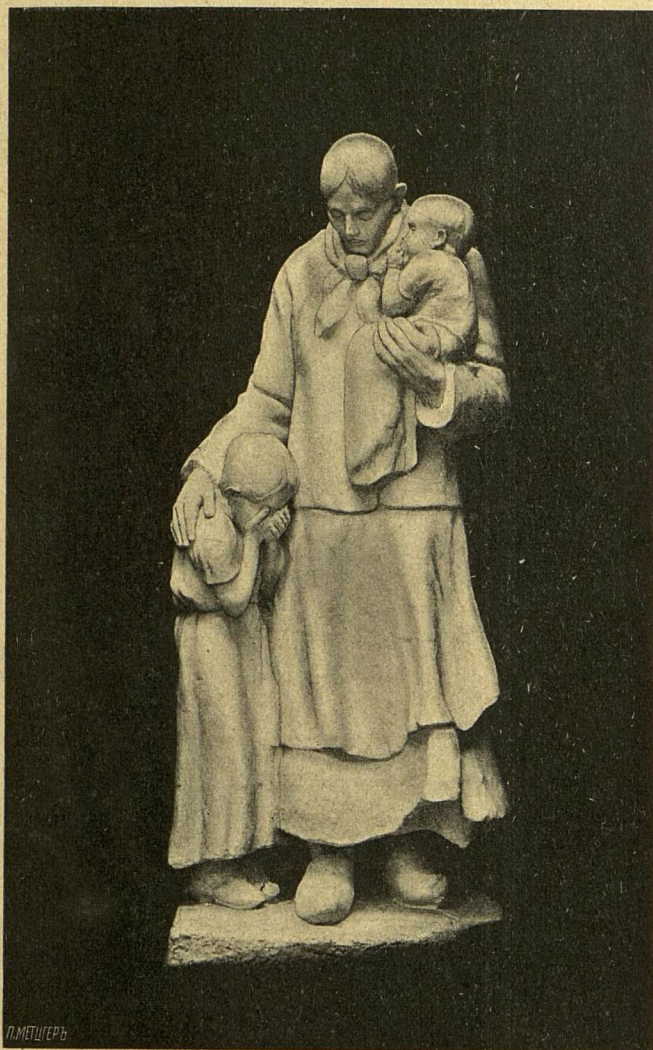
Столь-же благоприятные отзывы объ „Дѣтской молочной пищѣ“ даны Профессоромъ Военно-Медицинской Академіи Н. П. Гундобинимъ, Главнымъ Докторомъ Николаевской Дѣтской больницы въ С.-Петербургѣ Н. К. Вяжлинскимъ и другими врачами, производившими надъ этой молочной пищей наблюденія.

Рамки гаветнаго объявленія не позволяютъ излагать какъ научныя основанія, на которыхъ выработанъ этотъ препаратъ, такъ и химическій его составъ, а равно приводить подробныя удостовѣренія испытывавшихъ его врачей-специалистовъ. Все это имѣется въ подробномъ описаніи, составленномъ заведующимъ отдѣленіемъ питательныхъ веществъ фабрики Товарищества „Р. Кёлеръ и К° въ Москвѣ“, изобрѣтателемъ этого препарата, докторомъ жини К. Пале. Описаніе это раздается во всѣхъ магазинахъ Т-ва бесплатно.

Цѣна за фунтовую жестянку 1 руб. 20 коп.

XVI 35
10

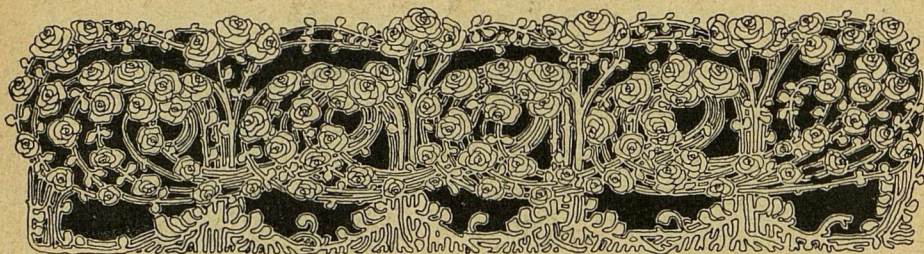
ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 16.

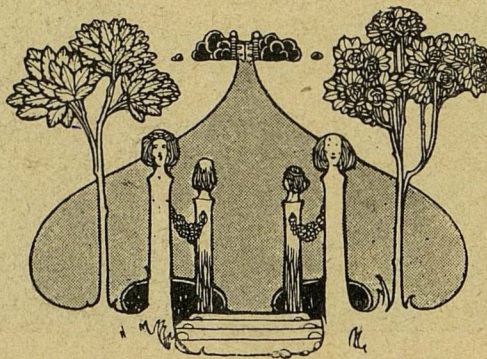
Голодные.

1 Сентября
1907 г.

Я ѣду. При дорогѣ рябина стоитъ;
Вѣтвями поникла, о чемъ то груститъ.
Быть можетъ, о томъ, что она одинока,
Что лѣсъ отъ нея зеленѣетъ далеко,
Что не съ кѣмъ ей молвить, когда завываетъ
Вокругъ нея буря и листья срываетъ...

В.

Танинъ капризъ.

Разсказъ.

(Окончаніе).

Вѣра присѣла на скамью и, отбросивъ въ сторону книгу, загля- дѣлась на вившуюся надъ цвѣткомъ ромашки коричневую бабочку. Бабочка, расправивъ крылышки, подлетала къ цвѣтку, но вѣтеръ не- ожиданно дулъ, цвѣтокъ качалъ головой; бабочка пугалась и отле- тала прочь, а потомъ опять стремилась къ цвѣтку.

Въ домѣ шла репетиція Золушки, а Вѣра одинокая гуляла по саду. Вѣра на отрѣзъ отказалась принимать участіе въ Золушкѣ. Сергѣй Алексѣевичъ упрашивалъ ее, но Таня и не подумала.

За послѣдніе дни Таня вовсе не разговаривала съ Вѣрой и если дарила ей слово-два, то только въ силу необходимости. Эта отчуж- денность, прямая ненависть Тани ничего не прибавляла къ тѣмъ страданіямъ, что испытала Вѣра за нѣсколько лѣтъ своей сиротской жизни среди чужихъ людей.

Неправда Тани, давно заронила въ грудь Вѣры тяжелый камень горькой обиды; и этотъ камень всегда больно давитъ ей грудь, не даетъ радоваться, роднитъ съ горемъ-горемычнымъ.

И Вѣра равнодушна была къ тому, что творилось въ нѣсколь- кихъ шагахъ отъ нея, за стѣнами бревенчатого дома... Она равно- душна была къ веселью Тани и ея друзей.

Вѣра только хотѣла какимъ-нибудь чудомъ очутиться среди добрыхъ людей, которые бы въ мигъ почувляли ея горе, приголубили бы обласкали...

Нежданно тѣнистый садъ вздрогнулъ, заговорилъ хоромъ звон- кихъ, молодыхъ голосовъ. Прямо къ Вѣрѣ бѣжали Коля и Анюта.

Вѣра, замѣтивъ Таниныхъ друзей, поспѣшно положила книгу на колѣни и сдѣлала видъ, что читаетъ.

Коля и Анюта, запыхавшись отъ сильнаго бѣга, остановились противъ Вѣры.

— Читаешь?—спросила Анюта.

— А почему ты, Вѣра, не стала играть Добрую волшебницу?— перебилъ сестру Коля.

— Не умѣю,—отозвалась Вѣра.

— Анята тоже не умѣетъ, а играетъ. А я королевичева дядьку буду играть. Здорово сыграю.

Скоро къ собесѣдникамъ подошли во главѣ съ Таней и другіе артисты. Таня обдала Вѣру недружелюбнымъ взглядомъ.

— Смотрите, господа, не запачкайте нашу царевну-недотрогу,— насмѣшливо произнесла она и не остановилась вмѣстѣ съ другими, а прошла мимо.

— Вѣра, что читаешь?

— Вѣра, покажи книжку.

— Почему не стала играть Добрую волшебницу?

Всѣ на перебой закидывали Вѣру вопросами.

— Донъ Кихота читаешь?

— Неужели до сихъ поръ не читала?

Вѣра едва успѣвала отвѣчать.

— Господа, господа!—закричалъ въ глубинѣ чей то отчаянный голосъ.

Всѣ насторожились и оглянулись по направленію звучавшаго голоса. По дорожкѣ бѣжалъ Володя, помахивая въ воздухѣ картоннымъ листомъ.

— Что я придумалъ!—сказалъ Володя, тяжело переводя духъ и торжествующимъ взоромъ обходя присутствующихъ.

— Что придумалъ? Говори. Покажи.

— А смотрите.

Володя приподнял надъ головой картонный листъ, испещренный корявыми буквами.

И всѣ прочли.

Завтра, въ воскресенье, въ 2 часа пополудни въ имѣніи Красновидова будетъ представлена интересная пьеса

З о л у ш к а.

Участвующіе въ пьесѣ артисты:

Таня Арканцева—Золушка.

Анята Шестакова—Добрая волшебница.

Саша и Катя Пономаревы—Злыя Сестры.

Оля Шестакова—Злая мачиха.

Сережа Пузиковъ—Король.

Ваня Пузиковъ—Королевичъ.

Коля Шестаковъ—Дядька Королевича.

Володя Бѣловъ—Придворный.

— Ай, какъ славно!—обрадовалась первая Таня.

— Ловко придумалъ,—одобрилъ товарища Коля.

— Но куда мы повѣсимъ эту афишу?

— На ворота.

— Да, да. Пойдемте скорѣе повѣсимъ.

— Повѣсьте, а читать будутъ собаки,—подтрунилъ Коля.

— И правда. Это въ городѣ читають, а здѣсь кому? Проѣзжихъ за недѣлю разъ-два и обчелся.

— Пускай некому читать, а повѣсимъ,—окончательно рѣшила Таня.

И скоро ворота дома Арканцева украшала картонная афиша, корявыми буквами извѣщавшая о представленіи Золушки.

IV.

Залъ передъ сценой былъ полонъ зрителей. Вѣра Истомина и гости Арканцева, помѣщикъ Пузиковъ съ женой и батюшка съ матушкой, сидѣли передъ самой сценой. Позади размѣщались старики, женщины, дѣвушки и дѣти изъ сосѣдней деревни, дружно отозвавшіеся на кличъ Леонтія.

Всѣ нетерпѣливо, поглядывая на занавѣшенную сцену, хранили глубокое молчаніе.

Въ залѣ окна были завѣшены темными шторами; горѣли лампы.

Но вотъ онѣ потухли. Темно-темно стало. Занавѣсъ передъ сценой поднялся. Глазамъ представилась убогая комната, уставленная по стѣнамъ скамьями. Въ глубинѣ комнаты, у двери, бѣлѣла лежанка. У окна, на скамьѣ, сидѣла Золушка, одѣтая въ рваное платьѣ. Она сучила на веретенѣ нитку.

И вдругъ Золушка разогнула спину.

— Ахъ, какъ я устала!—произнесла она.

И потомъ она печальнымъ голосомъ стала жаловаться на свою горькую, сиротскую долю. И какъ ее мачиха не любитъ, и какъ названные сестры обижаютъ. Злая мачиха не даетъ ей минуты отдохнуть отъ работы.

Вѣра слушала Танину жалобу на сиротскую долю и на минуту повѣрила, что она сама испытала все горькое, всю жизнь сироты Зо-

лушки; такой правдивой печалью звучалъ Танинъ голосъ, такъ правдиво отражало ея красивое лицо страданіе обездоленной, горемычной сироты, и жалость зашевелилась въ груди Вѣры...

Но она опомнилась. Таня капли горькаго не испытала въ жизни, она притворяется. И Вѣра вдругъ почувствовала въ себѣ холодное, недружелюбное чувство къ Танѣ...

Вѣра забыла глядѣть на сцену, а когда опомнилась, то увидала стоящую передъ Золушкой Добрую волшебницу въ красивыхъ одеждахъ.

— О, милая крестная, какъ я рада тебѣ! Мнѣ не съ кѣмъ подѣлиться горемъ,—громко, но печально произнесла Золушка.

— Какое у тебя горе, крестница, подѣлись имъ со мной,—ласково откликнулась Добрая волшебница.

— Я бы хотѣла... Ахъ, крестная, я хочу много-много...

— Ты хочешь побыть на балу у короля.

Добрая волшебница прикоснулась чудесной палочкой къ лохмотьямъ Золушки, и лохмотья въ мигъ спали на полъ. Золушка предстала передъ глазами зрителей въ бѣлоснѣжномъ платьѣ, красиво затканномъ серебристыми звѣздами; въ волосахъ у ней блестѣлъ серпообразный мѣсяцъ.

Первое дѣйствіе окончилось. Занавѣсъ скрылъ нарядную Золушку и Добрую волшебницу.

Зрители единодушно аплодировали артистамъ. Слышались отовсюду одобрительные возгласы.

— Хорошо!

— Ахъ, какъ славно!

А одинъ старикъ крестьянинъ, стоявшій позади Вѣры, громко высказался:

— Хорошо. Занятно поглядѣть, что будетъ впереди. Эва, братцы, шестьдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ, а этакія чудеса впервой вижу.

Во второмъ дѣйствіи сцена представляла внутренность королевскаго дворца.

Золушка-Таня въ нарядномъ платьѣ подъ веселые звуки музыки кружилась по залѣ съ прекраснымъ королевичемъ—Ваней. Ихъ окружали красиво разодѣтые гости. Таня отовсюду слышала похвалы себѣ,—и отъ папы, и изъ зрительнаго зала—и испытывала огромное счастье; она на яву вообразила себя сказочной принцессой, на которую людямъ сладко любоваться...

Послѣдній выходъ Золушки былъ самый интересный.

Прекрасный королевичъ со своей свитой ищетъ по свѣту полюбившуюся ему цринцессу. Онъ носить съ собой хрустальный башмачекъ, который у него на балу потеряла невѣдомая принцеса.

Случайно королевичъ заходитъ въ домъ Золушкиной мачихи. Онъ примѣряетъ башмачекъ на ноги мачихинымъ дочерямъ, но волшебный башмачекъ оказался имъ не впору.

— Не она,—говоритъ королевичъ и прячетъ башмачекъ въ карманъ.—Нѣтъ ли у васъ въ домѣ еще какой молодой дѣвушки, которой можно примѣрить башмачекъ?

Злая мачиха (Оля Шестакова) отозвалась, что въ домѣ у ней нѣтъ красивой дѣвушки, а есть Замарашка. Королевичъ настаивалъ, чтобы ему показали Замарашку.

Мачиха отказывается показать Золушку, говоря, что ея непригожій видъ можетъ оскорбить свѣтлыя очи его королевскаго высочества.

Но королевичъ самъ пошелъ во внутреннія комнаты искать Золушку. Онъ привелъ ее, дѣйствительно грязную, въ рваномъ платьѣ, облѣпленномъ картофельными очистками.

Примѣрили Золушкѣ башмачекъ и онъ оказался ей какъ разъ впору. Тогда Золушка достала изъ кармана другой хрустальный башмачекъ. Удивленію присутствующихъ и радости королевича не было конца. Онъ взялъ Золушку за руки и предъ всѣми назвалъ ее своею невѣстой.

Въ тотъ же мигъ передъ Золушкой появилась Добрая волшебница. Она коснулась чудесной палочкой до ея лохмотьевъ и превратила ее въ прекрасную принцесу.

Пьеса окончилась. Залъ и сцена отдѣлились темнымъ занавѣсомъ. Въ зрительномъ залѣ, какъ бурныя волны, плескались единые душные апплодисменты, а на сценѣ артисты, радостные, торжествующіе, пожимали другъ другу руки, обмѣнивались веселыми словами.

Таня, торжествующая, радостная, обхватила шею отца и, крѣпко цѣлуя, сказала:

— Спасибо, папочка, сегодня ты такъ много далъ мнѣ радости. Я люблю тебя, папочка!..

V.

Ночь. Небо въ звѣздахъ, темно-лазурное, безоблачное... Тихо-тихо и на улицѣ, и въ домѣ. Всѣхъ обнялъ безмятежный сонъ.

Но Таня Арканцева не спитъ. Она въ одной сорочкѣ, съ распушенными по плечамъ волосами стоитъ у окна и всматривается въ садъ, тихій въ покровѣхъ ночи, сумрачный, таинственный, облитый звѣзднымъ сіяніемъ. Деревья погрузились въ сонъ, листомъ не трепыхнуть.

Танѣ не спится. Она въ одиночествѣ опять переживаетъ свой радостный день; яркія картины въ ея воображеніи торопливо смѣняются одна другой.

Радостно, хорошо на душѣ у Тани. Мечты неясныя, но красивыя, заманчивыя, охватили ее и несутъ далеко-далеко, въ сказочную страну... И ей просто хочется повѣрить, что гдѣ-нибудь на свѣтѣ живетъ бѣдная Золушка, страдаетъ... Страдаетъ, но ее ждетъ счастье; на порогѣ стоитъ Добрая волшебница...

Нѣтъ, она не о томъ хочетъ думать. Ей вспоминаются шумныя одобренія зрителей. Она сама-сирота, бѣдная, несчастная...

Но вотъ она, счастливая, нарядная, у короля во дворцѣ. Музыка играетъ...

Всѣмъ она понравилась въ роли сироты Золушки, понравилась и въ роли прекрасной принцессы. Ахъ, какъ хорошо, когда нравишься всѣмъ, всѣмъ!

Грудь Тани полна торжествомъ прошлаго радостнаго дня. Долго, долго Таня стоитъ у окна; радужныя, сладкія думы окружаютъ ее и разсказываютъ о чемъ-то хорошемъ-хорошемъ, счастливомъ...

Небо поблѣднѣло. Деревья въ саду яснѣе обозначились. Со двора гаркнулъ пѣтухъ. Въ кустахъ затрѣнкали птичьи голоса. Утро нарождалось.

Таня, уронивъ на руки голову, дремала у открытаго окна. Но вдругъ она вздрогнула, оглядѣлась.

„Я спала“,—весело подумала она. И, высунувшись изъ окна, стала жадными глотками пить ароматный утренній воздухъ сада.

Она, проходя къ своей кровати, на минуту задержалась у постели подруги. Вѣра, разметавшись, крѣпко спала. На лицѣ ея лежала сумрачная тѣнь печали.

И нечаянно на мысль Танѣ пришло красивое сравненіе. На лицѣ Вѣры лежитъ тѣнь печали—это отраженіе ея души. Она вчера скучно провела день, въ одиночествѣ. Она страдала...

Мысль въ головѣ Тани выросла, крѣпла, и вдругъ яркимъ огнемъ озарила ея душу, словно прежде тамъ было темно.

— Но Вѣра сирота... Золушка... А я... я кто...

Таню испугали неожиданно обступившія ея новыя мысли; и она въ одинъ прыжокъ очутилась въ постели и завернулась съ головой въ одеяло.

Новыя мысли не отступали отъ Тани. Какъ живая встала въ воображеніи она сама въ роли Золушки. Она печально говоритъ о несправедливости злой мачихи, о своей сиротской долѣ...

На мѣстѣ Золушки очутилась сирота Вѣра. Припомнила Таня, что Вѣра рѣдко бывала весела, чуждалась ее, никогда не повѣряла ей своихъ сокровенныхъ думъ. И обиды, что она нанесла Вѣрѣ, ярко воскресли въ памяти, стали ясны и страшны въ одно время.

Долго Таня лежала съ открытыми глазами, задумавшаяся. И неожиданно изъ груди у ней словно кто вытолкнулъ слова:

— Вѣра, Вѣра...

Прошла минута, показавшаяся Танѣ вѣчностью. Вѣра шевельнулась въ постели и поднялась на зовъ подруги.

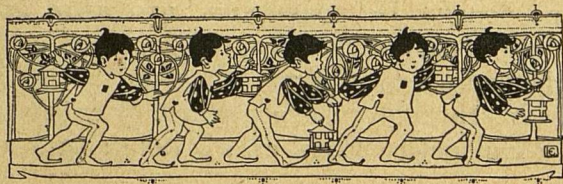
— Зачѣмъ ты звала?—спросила она.

Таня въ мигъ очутилась въ постели подруги и, обнявъ ее, прошептала.

— Вѣра, милая... прости. Ты бѣдная Золушка... Прости. Я тебѣ буду доброй сестрой. Забудь обиды.

Вѣра пугливо и недовѣрчиво глядѣла на подругу. Но вдругъ она разглядѣла въ лицѣ и въ глазахъ Тани то великое, сладкое, по чѣмъ тосковала всю свою сиротскую жизнь,—и повѣрила въ Танину дружбу. Она улыбнулась, обняла Таню крѣпко-крѣпко, какъ сестру.

Г. Володинъ.

Акимка и Никишка.

Разсказъ.

I.

Утро пасмурное. Небо въ тучкахъ, неласковое, хмурое. Моросить мелкій дождь. Холодный вѣтеръ знобитъ.

Улица промежъ вытянувшихся деревянныхъ и каменныхъ домовъ приняла унылый видъ. Прохожіе подъ зонтами и просто торопливо шлепаютъ по мокрымъ панелямъ. Изрѣдка по каменной мостовой прогромыхаютъ извозчичьи дрожки; самъ извозчикъ, глубоко ушедшій головой въ шапку, съежившійся, усердно похлестываетъ концами возжей свою лошадь-кормилицу. Городовой покинулъ свой постъ и укутанный въ кожаный плащъ, прислонился къ стѣнѣ каменнаго дома и дремлетъ.

На углу улицы и узкаго переулка ютится овощная лавка. Къ ея вывѣскѣ со словами:—мучная и масляная торговля—протянулась съ земли неуклюжая составная лѣстница. Вверху лѣстницы сидѣлъ мальчикъ лѣтъ 14—15, высокій, худой, смуглолицый, въ синей блузѣ, запятнаной красками, босой. Онъ, опершись на муштабель, старательно выводилъ на желтой буквѣ „а“ красный оттѣнокъ. Минутой онъ ощущалъ вѣтѣлѣ холодъ, вздрагивалъ и ежился; рука его съ кистью неуклюже торкалась въ баночку съ краской и неровно ходила по вывѣскѣ.

У подножія лѣстницы пріютился другой мальчикъ. На видъ ему лѣтъ 12. Онъ небольшой ростомъ, плечистый, бѣлокурый, съ загорѣлымъ лицомъ, въ люстриновомъ пиджакѣ и смазныхъ сапогахъ. Онъ съежился подъ дождемъ, запустивъ обѣ руки въ рукава. Въ глазахъ и въ лицѣ у него проглядывала печать грустной задумчивости.

— Акимка! держишь лѣстницу то?—крикнулъ сверху мальчикъ.

— Держу,—отозвался Акимка.

— Холодно больно. Не подумаешь, что лѣто красное. Осень и осень. Руки заоченѣли, кисти прямо не держутъ.

— А ты, Никишъ, потри ихъ.

— Растиралъ. На минуту отогрѣются. Я слѣзу на земь.

Въ минуту Никишка сползъ съ лѣстницы на землю.

— Пойдемъ въ дворницкую, погрѣмся,—сказалъ онъ.

— А ну хозяинъ нагрѣнетъ?!—испугался Акимка.

— Вѣдьма какая, что-ль, погонить его въ такую пору изъ дому. Ему, братъ, не больно нужда мокнуть на дождѣ.

— Забранится боюсь. Придетъ, а мы въ сторожкѣ прохладѣаемся...

Дворничья сторожка—просторная комната въ два окна съ низко ошѣвшимъ потолкомъ. Она поражаетъ своимъ сумрачнымъ, угрюмымъ видомъ; окна уперлись въ какой то каменный заборъ и скупно пропускаютъ съ улицы дневной свѣтъ.

Сторожка бѣдно приукрашена; ее наполняютъ столъ, прикрытый клеенчатой скатертью, два-три табурета, кровать съ ситцевымъ пологомъ. Русская печь примкнула къ головамъ кровати и стоитъ ничѣмъ не огороженная, а отъ ея чела по стѣнѣ протянулась полка, наполненная мисками и горшками. По стѣнамъ лѣпились газетные листы съ картинами.

Дворничиха, молодая, но съ увядшимъ лицомъ, стирала у печки въ корытѣ бѣлье.

Дворникъ, низенькій, съ русой бородой, въ красной рубахѣ, въ валенкахъ. Онъ стоялъ у окна и что то мастерилъ изъ сженой проволоки.

Никишка и Акимка молчаливо остановились на порогѣ, оба робкіе, боязливые.

— А, живописцы!—встрѣтилъ ихъ дворникъ—зачѣмъ пожаловали?

— Погрѣться. Холодно больно,—отозвался Никишка.

— Да, братъ, погодка того, не жалуется... А вы проходите къ столу, грѣйтесь досыта.

Дворничиха оторвалась отъ корыта и смѣрила мальчиковъ любопытствующимъ взглядомъ.

— У нашего вывѣски раскрашиваете?—спросила она.

— Да, отозвался Никишка. Онъ смѣлымъ шагомъ прошелъ отъ порога къ столу и сѣлъ на табуретъ.

Акимка нерѣшительно помялся на порогѣ, но потомъ потянулся за товарищемъ.

— Много васъ у хозяина работаетъ?—спросилъ дворникъ, присаживаясь къ столу и свертывая изъ проволоки кольцо.

— Немного... я и онъ,—отозвался Никишка, слегка кивнувъ на товарища.

— Я въ ученьи два года; два осталось хозяину задарма служить. Работу крѣпко усвоилъ. За мастера схожу.

— Хозяину отъ меня большая прибыль. Жалованье не платить, а отъ моихъ рукъ видить столько, сколько отъ другого дурака-мастера не увидить... Ну, значить, и стѣснѣнія отъ хозяина за свою работу не вижу.

— На первыхъ порахъ, какъ поступилъ къ нему, чѣмъ ни попадя хлесталъ. Да, а теперь руки коротки стали. Покричитъ, правда, во всю ивановскую, а чтобы руку занести—ни-ни.

— Попужаль, что ли его?—усмѣхнулся дворникъ.

Попужаль! Ха-ха-ха!.. Эхъ! просто онъ боится, что я укачусь къ другому хозяину и не задаромъ, а прямо на жалованье.

А помнишь, Никишъ, какъ онъ тебя упрасивалъ?—встрялъ въ бесѣду Акимка.—Пальто обѣщаль и сапоги съ калошами, если только работать будешь до срока.

— А ты тоже въ ученьи?—спросилъ дворникъ Акимку.

— Въ ученьи,—отозвался за товарища Никишка.—Изъ деревни недавно привели къ нашему грызiku (хозяину). Нюнитъ больно. По матери, по отцѣ скучаетъ и къ хозяйскимъ колотушкамъ никакъ не привыкнетъ.

— Хозяинъ ударить—плачетъ, жалуется мнѣ втихомолку. На всякое бранное слово обижается. Просто чудакъ чудаковичъ. Не понимаетъ, что хозяинъ...

— Смотри, Никишъ, дождь пересталъ,—перервалъ Акимка бесѣду товарища.

— Да, солнышко показалось,—отозвался дворникъ, заглянувъ въ окно.—Въ минуту обсушить землю.

— А самъ изъ деревни?—обернулся онъ къ Никишкѣ.

— Не, москвичъ. Мать моя въ прачешной работаетъ, а отца не помню. Сирота.

— Повидала мать небось съ тобою горя?

— Я самъ до сыта горя попробовалъ.

— Никишъ, пора на работу,—опять напомнилъ Акимка.—Хозяинъ какъ бы не нагрянулъ.

Солнце свѣтило ярко и пригрѣвало тепло. Каменная мостовая торопливо высыхала. Улица ожила. Люди шли не спѣша, разговаривали, и на многихъ лицахъ сіяла веселая улыбка. Городовой козыремъ стоялъ на посту и поминутно подымалъ свою начальническую руку и окрикивалъ проѣзжавшихъ мимо извозчиковъ.

Никишка на верху лѣстницы писалъ вывѣску, а Акимка уперся

плечомъ о ея подножье. Онъ оглядывался по сторонамъ, словно отыскивалъ въ проходившихъ мимо людяхъ и въ окружающихъ домахъ что нибудь интересное.

Время тянулось томительно долго. Никишка сверху поминутно спрашивалъ, скоро-ли подойдетъ обѣдъ.

Но вотъ гдѣ то близко гулко прокричалъ фабричный гудокъ. Мимо прошла партія каменщиковъ. Городового на углу пришелъ смѣнить его товарищъ.

— Обѣдъ,—крикнулъ снизу Акимка.

— Слышу,—отозвался Никишка. Онъ сошелъ на землю.

— Ну, куда пойдемъ обѣдать? Въ мастерскую далеко.

— Зачѣмъ въ мастерскую. Хозяинъ далъ на обѣдъ по пятаку.

— Тогда пойдемъ въ харчевню... Съ сумерками отдѣлаемся.

Живописцы оставили лѣстницу и краски на улицѣ, а сами пошли отыскивать ближайшую харчевню.

Былъ бѣлый день. Небо голубое, безоблачное. Солнце свѣтитъ ярко.

Никишка и Акимка окончили свой трудовой день. Они нагруженные старыми желѣзными листами, кистями и банками съ краской, торопливо шли улицей.

Домъ, въ которомъ жили Акимка и Никишка, былъ деревянный, двухъэтажный, по виду невзрачный, дряхлый, сгорбившійся на бокъ. На нѣкоторыхъ окнахъ лѣпились картонные сапоги, ножницы изобличавшіе присутствіе подъ этой кровлей мастера своего дѣла. Передъ первымъ домомъ стоялъ затылкомъ другой домъ, а прямо развернулся дворъ, узкій, мрачный, вымощенный булыжникомъ; правую сторону дома отдѣлялъ отъ проѣзжаго переулка высокій деревянный заборъ, а по лѣвую—вытянулась линія сараевъ въ два яруса съ галеркой, гдѣ на перилахъ въ погожій день заботливыя хозяйки развѣшивали на просушку бѣлье.

Живописцы проходили по двору. По всѣмъ уголкамъ дома кипмя кипѣла трудовая жизнь: строгали, пилили, стучали, перебрасывались словами, смѣхомъ, бранились, пѣли. Трудовая жизнь кипѣла въ стѣнахъ дома, проливалась изъ открытыхъ оконъ на дворъ и ползла за ворота, черезъ заборъ, на улицу; и тамъ какъ будто побѣдно разсказывала и встрѣчному, и поперечному о своемъ житьѣ-бытьѣ.

Мальчики остановились у крыльца, подбросившаго вверхъ двѣтри ступени. На двери лѣпился желѣзный листъ и на немъ чернымъ

по бѣлому было написано: „Мастерская вывѣсокъ А. М. Золотухина“.

— Наконецъ и домой попали,—облегченно вздохнулъ Никишка, трогаясь рукой за дверную скобку.—И усталъ!..

Мастерская вывѣсокъ—большая комната въ четыре окна. По ея стѣнамъ протянулись всевозможныя вывѣски только загрунтованныя или отдѣланныя начисто, или по раскрашенному фону разрисованныя мѣломъ. Полъ и обои по стѣнамъ, подоконники и кое-какая мебель были выкраплены разнообразными красками.

Алексѣй Михайловичъ Золотухинъ, маленькій, тощій, рыжебородый сидѣлъ на высокомъ табуретѣ, у окна, и, уперѣвъ въ вывѣску съ калачемъ и словомъ „булочная“ муштабель, выводилъ желтымъ по черному букву „я“. Его худое, съ большими сѣрыми глазами лицо было потно, жидкая борода слиплась въ неуклюжій комъ, а усы заодно съ свернутыми въ трубку губами оттопырились далеко отъ носа.

— Ну, работнички!—встрѣтилъ онъ мальчиковъ.—Отдѣлались?

— Отдѣлались.

— И слава Богу.

Алексѣй Михайловичъ посмотрѣлъ на серебряные часы.

— Э, пять часовъ. Нука Акимка, ступай на дворъ раму шестиаршинную старымъ желѣзомъ околоты. Желѣзо въ сараѣ.

Акимка молча забралъ молотокъ, гвозди, ножницы и пошелъ изъ мастерской.

Никишка присѣлъ на табуретъ и тяжело отдувался.

— Усталъ?—спросилъ хозяинъ.—Стыдно. Въ твои годы я день и ночь работалъ... Ну-ка бери кисть, подмахни-ка дощечку домовладѣльца. На окнѣ планъ. Желтымъ по черному, на крупныхъ буквахъ синій оттѣнокъ пусти.

— Промокъ больно,—отозвался Никишка, и голосъ и лицо его ярко сказали, что онъ усталъ и не хочетъ взяться за работу.

— Обсушишься. Бери кисть - то. До шабашу осталось какихъ-нибудь три часа.

Хозяинъ просилъ ласково. Но Никишка побоялся испытывать его терпѣніе до дна и сталъ устанавливать у свободного окна мольбертъ.

II.

Въ окно глядитъ бѣлый день. Солнце залило яркимъ золотомъ мастерскую.

Алексѣй Михайловичъ сидѣлъ за столомъ и золотилъ деревянную букву Р. Онъ разрѣзалъ ножомъ на кожанной подушкѣ тонкій листикъ золота, потомъ, при помощи широкой кисти, накладывалъ кусочки золота на выкрашенную липкой краской букву и разглаживалъ ватой. Работа спорилась въ рукахъ Золотухина; его окружила масса золоченыхъ буквъ, ярко блестящихъ подъ солнечными лучами.

Никишка сидѣлъ на высокомъ табуретѣ у окна и, опершись муштаблемъ въ мольбертъ, выводилъ кистью на овальной дощечкѣ желтымъ по черному: „Докторъ И. А. Лисичкинъ“. По мѣрѣ того, какъ кисть въ его рукѣ дѣлала на буквѣ закругленіе, языкъ у него выползалъ изъ-за губъ на ружу и ползалъ то вправо, то влѣво, пока опять не упрятывался въ ротъ.

Въ глубинѣ мастерской, за вывѣсками, Акимка теръ плоскимъ камнемъ на мраморной доскѣ красную краску.

Въ мастерскую неслышно вошелъ высокій, худой мужчина, въ черномъ сюртукѣ, мѣшковато сидѣвшимъ на его плечахъ. Лицо у него смуглое, опушенное черной бородой, глаза каріе, глядятъ серьезно и печально. Онъ со шляпой въ рукахъ остановился на порогѣ. Приходъ гостя никто не замѣчалъ; хозяинъ и ученики очевидно глубоко ушли въ дѣло. Но минута... за перегородкой завозились, въ мастерскую отворилась обитая клеенкой дверь и показалась смуглоликая женщина, маленькая, полная. Она привѣтливо улыбнулась гостю.

— Здравствуйте!

— Михайлычъ!—кликнула она мужа.—Обернись-ка.

Михайлычъ и оба ученика въ минуту оторвались отъ работы.

— А!—вырвалось изъ груди Михайлыча и его худое лицо озарила привѣтливая улыбка.

— Здравствуйте, Андрей Петровичъ! Добро пожаловать. Матреша! стулъ подай.

— Здравствуйте! Богъ въ помощь,—отозвался гость.—Навѣститъ васъ вздумалъ.

Онъ присѣлъ на стулъ.

— Матреша! самоварчикъ согрѣй.

Матреша завозилась за перегородкой съ самоваромъ, а потѣмъ, слышно, на кухнѣ застучала трубой, косаремъ о чугунный шестокъ.

— А какъ дѣла у васъ, Михайлычъ?

— Дѣла хороши, слава Богу. Получилъ заказъ на пятьдесятъ рублей, мануфактурный магазинъ вывѣсками обставить. Завтра пойду новить вывѣски въ колбасной лавкѣ. Десять цѣлковыхъ тоже карманъ не протрутъ. Наше дѣло золотое, только бы подъ руками всегда имѣлось. Золотое.

Золотухинъ остановился посреди мастерской и разводилъ руками.

— А вы, Михайлычъ, не стѣсняйтесь, работайте.

— Ну, работа не уйдетъ,—отозвался живописецъ, но въ ту же минуту присѣлъ за рабочій столъ.

Андрей Петровичъ Березкинъ былъ управляющій домомъ. Онъ любилъ навѣщать мастерскія своихъ жильцовъ, „калякать съ ними по душамъ“. Поэтому сегодняшнее посѣщеніе управляющимъ вывѣсочной мастерской никого изъ ея обитателей не удивило.

Березкинъ остановился подлѣ Никишки.

— Работаетъ?

— Работаю,—отозвался Никишка и усмѣхнулся.

— Мать давно видалъ?

— Давно. Въ воскресенье пойду къ ней.

— А я въ ночь подъ воскресенье поѣду за городъ рыбу ловить,—сказалъ Березкинъ.—Хочешь—возьму съ собой. На берегу рѣки всю ночь костеръ будемъ жечь, живцы поставимъ, удочками половимъ... Акишу съ собой бери.

— Эхъ, славно!—обрадовался Никишка.

И вдругъ онъ насупился.

— Загадываю, а-упрется грызикъ и сядешь на мель.

— Не бойся, пустить,—успокоилъ Березкинъ.—Я упрошу.

— Никишка!—окликнулъ хозяинъ.—А ты языкъ-то чеши, да дѣла не забывай.

— Я небось не руками разговариваю!—огрызнулся Никишка.—Онъ не боялся хозяина, крѣпко помня, что тотъ имъ дорожить.

— Михайлычъ! Андрей Петровичъ! идите чай пить,—позвала Матрена.

Хозяйская половина—небольшая комната въ два окна, глядѣвшія въ проѣзжій переулокъ. Въ глубинѣ комнаты уютилась кровать подъ ситцевымъ пологомъ, у окна стоялъ столъ, стулья, обитые клеенкой.

По правой сторонѣ комнаты вытянулся пузатый комодъ, покрытый кисейной занавѣсью и обставленный зеркаломъ и разнообразными бездѣлушками. По стѣнамъ лѣпились фотографіи близкихъ и ярко раскрашенные портреты генераловъ въ мундирахъ со звѣздами бурскихъ, японскихъ, русскихъ.

Самоваръ на столѣ кипмя-кипѣлъ, пуская подъ потолокъ кудрявые клубы дымчатаго пара. Матрена налила по стаканамъ темно-красный чай.

— Кушайте, Андрей Петровичъ, съ булочкой,—угощалъ гостя Михайлычъ.

— Кушайте на здоровье,—просила и Матрена.

Пили чай. Разговаривали о погодѣ, о домашнихъ дѣлахъ.

— Жизнь дорожаетъ очень,—сказала Матрена.—Говядина была пятіалтынный фунтъ, хорошая, а теперь она двадцать три копѣйки да четвертакъ. Приходится бѣдному человѣку живому въ землю зарываться.

— Да, заработки плохи, а жизнь часть отъ часу дорожаетъ и дорожаетъ,—сказалъ Михайлычъ и вздохнулъ.—Наше живописное дѣло положимъ золотое, прохарчимся... да бѣда, работа-то не всегда подъ руками.

Въ дверь постучались.

— Алексѣй Михайлычъ!—позвалъ робкій голосъ.

— Чего тебѣ? Входи прямо въ комнату.

Дверь отворилась и показался Акимка. Онъ смотрѣлъ и на хозяевъ и на гостя какъ-то боязливо, словно боялся быть къ нимъ ближе; въ рукахъ у него была жестянная банка съ красной краской.

— Натеръ?—спросилъ хозяинъ.—А ну-ка покажь.

Михайлычъ взялъ изъ рукъ мальчика банку съ краской, помѣшалъ въ ней палочкой и вдругъ покачнулся въ стулъ. Раздалась звонкая пощечина и Акимка кубаремъ полетѣлъ изъ двери въ мастерскую. Михайлычъ пошелъ за нимъ. За перегородкой раздались звонкія пощечины, глухой, сдерживаемый плачъ.

— Я тебя научу, какъ труть краску,—шипѣлъ голосъ Михайлыча.—Я научу. Ишь краска крупками... мельче надо, мельче...

Опять раздался ударъ ладонью по щекѣ.

— Ты и старую краску испортилъ... у!

И опять раздался тяжелый ударъ по мягкому тѣлу, визгъ, плачъ.

— Перетирай! Гадина! Работалъ полдня, опять работай. Приѣхалъ изъ деревни хлѣбъ хозяйскій даромъ жрать...

Березкинъ кусалъ усы и нетерпѣливо барабанилъ по столу пальцами. Была минута, когда онъ готовъ былъ встать на защиту обиженного, безъ капли жалости поломать хозяйскія руки.

Но Михайлычъ скоро вернулся въ комнату. Онъ былъ красный, потный. Присѣлъ за столъ и молчаливо принялся за чай.

— Глядѣть на васъ, Андрей Петровичъ, сумрачный такой, словно нехорошее объ насъ думаете,—сказала Матрена.—А право, будь вы хозяиномъ, а тоже бы отъ битья не удержались. Поблажку дашь имъ, а они облѣнятся, и покорность къ хозяину забудутъ.

— Но по моему,—возразилъ Березкинъ,—бить кого бы то ни было грѣшно. Добрымъ словомъ, любовью только пробудешь въ человѣкѣ и любовь и ласку.

— Нашимъ обормотамъ слова безъ пользы, что отъ стѣны горохъ отскакиваютъ,—ввязался въ бесѣду Михайлычъ.—Охоту и любовь къ дѣлу имъ въ голову вобьешь вотъ только такимъ струментомъ,—онъ показалъ сжатый кулакъ.—Отъ битья ничего имъ не подѣется. Меня самого били, а выросъ, и дѣло знаю не хуже прочихъ. Хозяйствую съ Божьей помощью.

— А не бить ихъ, они отъ рукъ отобьются,—поддакивала Матрена.—Хозяинъ за вину спуска не дастъ, отколышматить по первое число, тогда онъ долго не забудетъ потасовки и поопасется опять попасть въ провинность.

Михайлычъ и Матрена горячо оправдывали свой хозяйскій взглядъ на подчиненнаго имъ человѣка. А Березкинъ слушалъ и ярко чувствовалъ ихъ неправду, и что эта неправда глубоко пустила корни въ ихъ хозяйскія груди.

— Нѣтъ, други, любовь святое дѣло,—убѣжденно отозвался Березкинъ.

Послѣ въ комнатѣ живописца стало скучно.

Березкинъ сталъ прощаться.

Хозяева не удерживали гостя.

III.

Вечерѣло. Солнце укрылось за домами и его золотой отсвѣтъ чуть-чуть трепеталъ въ воздухѣ; а на землѣ лежалъ сѣрый сумракъ.

Трудовой день въ деревянномъ домѣ закончился. Не вырывались изъ открытыхъ оконъ наружу шумные удары молотковъ, визги пилъ, рубанковъ.

Рабочій людъ отдыхалъ. Никому не сидѣлось въ домѣ. Собирались кучками на дворѣ, разсаживались на крылечкахъ. Слышалась оживленная рѣчь, смѣхъ.

Малыши скучились у сараевъ и играютъ въ бабки. Минутами между ними вскипаетъ споръ, недружелюбный, злой. Но скоро злая размолвка покрывается веселымъ смѣхомъ.

Акимка, задумчивый, грустный, сидѣлъ на крыльцѣ мастерской. Никишка стоялъ подлѣ и звалъ товарища.

— Пойдешь, что ли, въ бабки играть?

— Нѣтъ, я посижу... усталъ.

— Нюня!

Никишка оттолкнулся отъ товарища и въ минуту замѣшался въ кучѣ игравшихъ мальчиковъ.

Акимка остался одинъ на одинъ съ своими скучными думами. Вспоминалъ суровую, неласковую жизнь у чужихъ людей. Хозяинъ грубый, порою злой. Никишка порою добрый, задушевный другъ, порою злой насмѣшникъ. Вспоминалъ отца, мать... родной домъ, родную скотину, поле, рѣчку, церковь...

Неожиданно въ кучѣ рабочихъ, размѣстившихся на большомъ бревнѣ, у забора, взвизгнула вѣнская гармонія. Звуки весело подпрыгнули и слились въ стройный напѣвъ. Хоръ молодыхъ, здоровыхъ голосовъ подхватилъ пѣсню:

Ой, полна, полна коробушка,

Есть въ ней ситецъ и парча.

Пѣсня бурливой волной разлилась по узкому двору и какъ будто вспѣнилась и пролилась черезъ заборъ, на улицу.

Пѣсня привлекла и малыхъ и старыхъ. Только звякнула гармонія, какъ малыши торопливо оставили свою игру и плотнымъ кольцомъ окружили цѣвцовъ. Потянулись съ крылечекъ и люди взрослые. Иные молчаливо останавливались въ кругу, а иные протискивались къ пѣвцамъ и своими голосами подхватывали пѣсню.

На крылечкахъ оставались только женщины. Но одна изъ нихъ, толстая, румяная, была въ кругу пѣвцовъ, и ея тонкій, молодой голосъ пріятнымъ звономъ звучалъ въ гущѣ басистыхъ мужскихъ голосовъ.

Люди веселой пѣснью провожали свой трудовой день. Казалось, они выливали въ пѣсню всю горечь, что скопилась въ ихъ груди за день, когда они гнули надъ работой спину и видѣли, что работа эта даетъ имъ скудный кусокъ хлѣба и отниметъ добрую долю силъ и здоровья. И казалось, люди выльютъ въ пѣсню изъ своей груди все горькое, тяжелое, и къ нимъ вернутся потерянные за трудовой день и сила и здоровье.

Пѣсня оборвалась. Пѣвцы перебрасывались веселыми словами, шутками, смѣхомъ. Гармонія слабыми трелями наигрывала веселый напѣвъ. И неожиданно гармонія громко вздохнула, замолкла на мигъ, и жалобными тоскливыми звуками заплакала.

Маленькій, съ тощей козлиной бородой, при фартукѣ, мужиченко схватился руками за грудь и тонкимъ голосомъ одиноко запѣлъ.

Эхъ, ты доля, моя доля!

Доля бѣдняка—а...

Руки запѣвали, какъ крылья невиданной птицы, взмахнули надъ головами толпы. Толпа всколыхнулась, и густые голоса вровень съ звонкимъ бабьимъ голосомъ подхватили пѣсню:

Тяжела ты, безотраднa,

Тяжела, горька...

И грустная пѣсня заволновалась по узкому двору, перекинулась черезъ заборъ и, казалось, поплыла далеко-далеко.

Тонкій голосъ мужиченка съ козлиной бородой одиноко пѣлъ:

Не тебя-ль, бѣднякъ, обносятъ

Чаркою съ виномъ.

И хоръ дружно подхватывалъ:

И не ты-ль сидишь послѣднимъ

Гостемъ за столомъ...

Акимка жадно слушалъ пѣсню. Тоскливые звуки заползали ему въ грудь и... вызвали на глаза слезы. Акимка плакалъ, уронивъ на руки голову.

— Акишь! что съ тобой? — услышалъ онъ надъ собою Никишкинъ голосъ.

Акимка вскинулъ на товарища облитые слезами глаза. Посмотрѣлъ пугливымъ взглядомъ и словомъ не отозвался.

— Эхъ, дурашка! Горькаго то мало видалъ, не почемъ больно лить слезы... Ты думаешь мнѣ мило было жить у хозяина, пинки то хозяйскіе лопать...

— Да, хорошо тебѣ, мать всякій праздникъ выдаешь, — заступился за себя Акимка. — И хозяинъ тебя не бьетъ.

— Не бьетъ! А ты посмотрѣлъ бы, какую на первыхъ порахъ хозяинъ плѣшину сотворилъ на моей головѣ.

— Пожался. Тебѣ житье сладкое.

— А тебѣ житье горькое!

— Помолчали. Каждый вслушивался въ разливавшуюся по двору тоскливую пѣсню про долю бѣдняка.

— Ты, Акимка, чудакъ! — вдругъ высказался, Никишка. Что ни дѣло — въ слезы. Эхъ, чудакъ чудаковичъ!

— Самъ ты чудакъ! — отозвался Акимка. — Я тебя не заставляю плакать, коль мнѣ не мило, тяжело, не смѣйся на мои слезы.

— Не смѣйся, когда, глядя на тебя, на нюню, смѣхъ разбираетъ. И слезы ты попусту проливаешь. Хозяинъ нашъ злой, обижаетъ неправильно, я давно знаю. А ты, голова, обмозгуй, плакать то стоитъ изъ за того, что хозяинъ аспидъ? Эхъ!

— Я не объ хозяинѣ плачу, я себя жалѣю. Хозяинъ оттаскаетъ меня за волосы, аль по рылу съѣздить, ему не больно... себя жалѣю. Опять мать съ отцомъ жалко. Какъ они теперь въ деревнѣ живутъ? Можетъ совсѣмъ забыли про меня...

— Нюня! и, словно пожалѣвъ товарища, прибавилъ:

— А тебя, кажись, мать общала навѣдать?

— Общала... а не навѣдаетъ. Дорога изъ деревни въ Москву стоитъ пять рублей съ копѣйками, да изъ Москвы столько же — зна! На эти деньги корову почти купишь. А у отца съ матерью вольныхъ денегъ не водится. Изъ нужды и меня то въ Москву погнали.

— Нѣтъ, Акимка, ты обмозгуй головой, горячо заговорилъ Никишка. — Изъ деревни тебя нужда выгнала, а стало быть не научишься деньгу зашибать и домой не ворочайся. Куда не оглянись, а все тебѣ скажетъ: учись и терпи всякія напасти.

У насъ въ Москвѣ такъ поведено, кто имѣетъ большую волю надъ человѣкомъ, тотъ подневольнаго всячески тѣснить. И перемѣни ты хоть десять хозяевъ, а всѣ тебя будутъ лупцевать, какъ сидорову козу.

— Хозяинъ не отецъ, что бы бить, — возразилъ Акимка. — У насъ работать полагается до восьми часовъ, а послѣ время мое, что хочу дѣлаю. Я взялъ книжку, читаю, а онъ вырвалъ и розорвалъ. Правъ онъ?

— Чудакъ ты, Акимка! Непонятный. Да ты возьми себѣ въ голову, что хозяинъ тебѣ словно царь. Онъ тебя и день и ночь заставитъ работать, а ты не пикни, работай... На свой ладъ ты хозяевъ не передѣлаешь.

Товарищи долго спорили, минутой между ними пробѣгала злая вражда, и тогда каждый изъ нихъ готовъ былъ правду своего убѣжденія отстаивать кулаками.

На дворѣ тоскливая пѣсня затихла. Пѣвцы разбрелись. Небо потемнѣло и звѣзды въ его темной лазури ярко серебрились. Проглядывалъ тонкій серпъ луны.

IV.

Ночь тихая, теплая. Небо, темно-лазурное, изукрашенное серебряными звѣздами, обнимаетъ окружный лѣсъ, темный, хмурый, сумрачный. Рѣка широко расплзлась промежъ низкихъ береговъ и, посеребренная звѣздными отраженіями, грустно рокотала волнами. По берегамъ надъ водой сонно склонились кудрявые тополи и ольхи. На противоположномъ берегу въ темномъ сумракѣ ночи чернѣли силуэты домиковъ-дачъ и кое-гдѣ по окнамъ золотился огонь. Издалека откуда-то несяся заунывный напѣвъ пастушечьяго рожка...

Березкинъ сидѣлъ у рѣки на крошечной отмели и слухомъ и глазами жадно вникалъ въ окружающую жизнь природы. Казалось, гдѣ-то далеко-далеко позади, чуть не въ тридесятомъ царствѣ, остался шумный городъ, душный вагонъ, въ которомъ онъ ѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Его обняла теплая ночь съ грустнымъ рокотомъ рѣчныхъ волнъ, съ таинственнымъ шопотомъ прибрежныхъ деревьевъ, съ унылымъ напѣвомъ пастушечьяго рожка. Онъ чувствовалъ себя хорошо, словно стоялъ на порогѣ огромной золотой двери, которая вела къ златокудрой красавицѣ—счастью...

Акимка и Никишка ушли въ близкій лѣсъ за валежникомъ на костеръ. Они долго плутали по лѣсу. А Березкинъ, очарованный теплою ночью, забылъ про нихъ. Сладкое забытье съ него сбросилъ громкій окрикъ.

— Андре-ей... Петры-ычъ... а-а-у-у!..

Кричалъ Никишка. Березкинъ привсталъ и, натружая грудь, отозвался.

— А-а-у-у!..

Окрестное эхо подхватило возгласъ, переломило его на неуклюжія половинки и унесло по ту сторону рѣки, въ лѣсъ.

— А-а-у-у!...—отозвались разомъ два голоса, Акимкинъ и Никишкинъ.

— У-у-а-а...—зарокотало по окрестности.

Скоро Березкинъ разглядѣлъ въ ночномъ сумракѣ два человѣческихъ силуэта; они торопливо подвигались на него. Ближе онъ узналъ Акимку и Никишку; въ рукахъ у нихъ было по доброй охапкѣ сучьевъ.

— Заблудились, — сказалъ Никишка, сбрасывая на отмель свою ношу.

— Плутали, плутали, едва выбрались,—отозвался и Акимка.— Незнакомое мѣсто.

— А дровъ не хватитъ на всю ночь,—сказалъ Березкинъ.

— Не хватитъ, сходимъ.

— Теперь освоились съ мѣстомъ, не заплутаемъ.

Березкинъ принялся разжигать костеръ. Валежникъ былъ смоченъ росой и не разгорался. Но вотъ онъ подсохъ и сразу вспыхнулъ яркимъ пламенемъ. Ночная тьма кругомъ раздвинулась, поблекла. Сизый дымъ поползъ къ рѣкѣ и ровной пеленой разостлался по водѣ, а тѣни рыболововъ обозначились на облитой огненнымъ заревомъ травѣ, переломились на прибрежныхъ кустарникахъ и неуклюже полѣзли вверхъ...

— Ой, славно!—радовался Никишка.

— Въ деревнѣ бывало зачастую ребята ходили въ ночь ловить рыбу,—отозвался и Акимка.—Хорошо дома: въ ночное ѣздишь, косишь съ отцомъ.

— Ты косилъ?!—удивился Никишка.

— Косилъ. Тебѣ въ диковинку?

— Ну-съ, намъ надо живцы поставить,—прервалъ Березкинъ бесѣду товарищей. Въ ведеркѣ у рыболововъ плескалось штукъ пять рыбокъ, пойманныхъ съ сумерками на удочку. Оставалось облюбовать по рѣкѣ мѣста, куда закинуть живцы.

— Я не умѣю закидывать живцовъ, пусть Акимка идетъ,—сказалъ Никишка.—Ступайте, а я той минутой чай сварю.

Березкинъ съ Акимкой пустились внизъ по теченію. Они живой рукой разбросали по темной глуби рѣки живцовъ и вернулись къ костру.

Никишка, весь облитый огненнымъ заревомъ, сидѣлъ на корточкахъ передъ костромъ. Въ серединѣ огня чернѣлъ закопченный чайникъ, пристроенный на сучковатыхъ рогулькахъ.

— Дровъ не хватаетъ,—крикнулъ онъ, издали замѣтивъ приближавшихся рыболововъ.—Акимка! бѣги въ лѣсъ.

Акимка отдѣлился отъ Березкина и вприпрыжку побѣжалъ къ темнѣвшему невдалекѣ лѣсу. Скоро его плечистая, приземистая фигура пропала въ темныхъ покровыхъ ночи.

— Спасибо тебѣ, Андрей Петровичъ, надумалъ намъ деревню показать,—сказалъ Никишка, когда Березкинъ присѣлъ подлѣ костра.—Во вѣкъ можетъ не придется погулять на этакое привольѣ.

— А правда хорошо побыть ночку у рѣки, рыбу половить,—отозвался Березкинъ.

— Хорошо!

На этотъ разъ Акимка не заплуталъ въ лѣсу и скоро вернулся къ костру съ охапкой валежника.

— Ну ужъ и напугался я!—тяжело переводя духъ и пугливо пожимая плечами, сказалъ Акимка.—Ломаю я сухую березку, а она какъ треснетъ, а позади меня какъ зашуршитъ. Душенька моя въ пятки ушла; стою—шелохнуться боюсь. Слушаю, тихо кругомъ, вѣтра ни-ни, хоть бы листикъ на деревѣ шелохнулъ. Подхватилъ я сломаную березку да лататы безъ оглядки.

— И не узналъ, кого испугался?—спросилъ Никишка.

— Поди узнай, лѣсной дѣдъ намнетъ бока-то.

— Эхъ, голова! Можетъ и страшнаго ничего не было, а посту-чалъ зубами. Чудакъ!

Огонь въ кострѣ ослабъ, потускнѣлъ, но подбросили дровъ и онъ опять вспыхнулъ яркимъ пламенемъ. Чайникъ изъ-подъ крышки пропустилъ тонкія струи бѣлаго пара и вдругъ забурился вскипяченной водой. Рыболовы дружно принялись за чай и за закуску.

— Люблю я слушать сказки. Расскажи, Андрей Петровичъ,—попросилъ Никишка.

— Я не знаю сказокъ,—отозвался Березкинъ.

— Акимка знаетъ много сказокъ—самъ признавался—да не рассказываетъ. Лѣнтый. Ему впору нюнить.

— Отвяжись, Никишкѣ, чего насмѣхаешься!

— Нѣтъ, Акимка, скажи, почему ты съ хозяиномъ не уживаешься?

— Чего уживаться-то. Я знаю, въ деревнѣ голодно, помога нужна...

Акимка не договорилъ; голосъ у него осѣкся и въ немъ, слышно, заклокотали слезы.

— Ну, занюниль!—презрительно бросилъ Никишка.—Плачь не плачь, хозяйская рука не помилуетъ. Я самъ, погоди, освоюсь съ дѣломъ, въ силу войду, покажу другому дураку, какъ надо-мной измывались.

— Живите дружно—остановилъ мальчика Березкинъ.—Оба подневольные,—оба терпите хозяйскую неправду... Дѣлать вамъ нечего.

Костеръ догорѣлъ, покрылся темнымъ пепломъ.

Небо посѣрѣло. Близился разсвѣтъ. Яснѣе обозначались рѣка, прибрежный кустарникъ, окружный лѣсъ, домики-дачи на противоположномъ берегу.

— Пойдемте смотрѣть живцовъ,—первый опомнился Березкинъ.

Всѣ трое встали и пошли. Посмотрѣли на бичевку перваго живца, она была натянута.

— Попалась.

Потянули къ берегу. Рыба метнулась по поверхности рѣки и потянула бичевку вбокъ, къ каряжинамъ. Но однако рыбу вытащили. Она оказалась порядочнымъ головлемъ. Пришли къ другому живцу, бичевка была не натянута. И дѣйствительно, на ней была только уснувшая рыбка—приманка. Обошли по рѣкѣ и вернулись къ потухшему костру со шукой, головлемъ и окунемъ.

— Уловъ славный!—радовался Никишка.

— У насъ въ деревнѣ бывало во какихъ ловили. И Акимка отмѣрилъ свою руку по локоть.

Разсвѣло. Небо было безоблачное, сѣрое. Окружный лугъ и блестящая поверхность рѣки были окутаны бѣлесымъ туманомъ. Рыба громко плескалась по рѣкѣ.

Закинули удочки. Рыба клевала хорошо. Сперва вытащили горбатаго окуня, потомъ серебристую плотичку. Уловъ удался.

Поднялось изъ-за лѣса солнце и обдало золотыми лучами лугъ, рѣку, домики-дачи. По берегу въ кустарникахъ затренькали серебрянымъ звономъ голоса невидимыхъ птичекъ. Съ ближней церкви несся праздничный благовѣстъ.

Рыболовы собрали свои припасы и не спѣша отправились опушкой лѣса на желѣзнодорожную станцію.

V.

Акимка и Никишка долго вспоминали свою прогулку съ Березкинымъ за городъ. Они воскрешали въ памяти прошлое и опять переживали таинственную лунную ночь.

— А лихо мы половили рыбу!—восхищался Никишка.—Костеръ горѣлъ, пламя-то высоко-высоко вскидывалось, дерево такъ и обдавало огнемъ... Здорово.

— Хорошо было,—откликнулся и Акимка.

Рабочіе дни они проводили по-прежнему въ безпокойной суетѣ. Работали въ мастерской. Иногда Золотухинъ и старшій ученикъ пристраивались съ палитрами на дворѣ у забора и писали вывѣску, по своей величинѣ не входившую въ мастерскую. Нерѣдко Никишка и Акимка, укутанные веревками, проволокой, съ вывѣсками на головахъ, отправлялись на улицу. Они шли вѣшать вывѣски надъ входомъ какого-нибудь магазина.

По вечерамъ, когда кончали работу, Никишка и Акимка наравнѣ съ другими рабочими выползали на дворъ отдохнуть. Никишка любилъ всякія ребячіи игры и весело проводилъ свободное время въ кругу сверстниковъ. Акимка неохотно игралъ. Онъ предпочиталъ уѣсться гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ двора и помечтать о далекой родной деревнѣ или почитать книжку, которая пріобрѣталъ на случавшіеся у него копѣйки. Иногда они оба подсаживались къ кучкѣ взрослыхъ рабочихъ и съ глубокимъ вниманіемъ вслушивались въ чужую рѣчь.

Было воскресенье. Акимка и Никишка стояли въ кучѣ богомольцевъ въ храмѣ Христа Спасителя. Акимка жадно вслушивался въ стройное пѣніе пѣвчихъ. Онъ поминутно крестился и земно кланялся.

Никишка совсѣмъ не крестился и все оглядывался по сторонамъ; видимо, молитвенное настроеніе не посѣтило его душу.

Обѣдня окончилась. Богомольцы пестрой толпой потекли изъ храма. Выбрались на улицу и Акимка съ Никишкой.

День солнечный, свѣтлый, теплый...

— Куда пойдѣмъ? Домой?—спросилъ Акимка.

— Зачѣмъ? Пойдѣмъ царь-пушку поглядимъ, царь-колоколъ. Въ Москвѣ чудесъ много.

Пришли къ колокольні Івана Великаго. Осмотрѣли огромный колоколъ съ отбитымъ краемъ.

— Позвонить бы въ этотъ колоколъ,—помечталъ Акимка.

— О, разъ только ударъ и вся Москва оглохнетъ,—убѣжденно отозвался Никишка.

— Давно это было. Колоколъ висѣлъ у Ивана Великаго. Ъхала въ каретѣ мимо царица, а колоколъ то какъ загудитъ. Ну и оглушилъ царицу. А она не вытерпѣла и прокляла царь-колоколъ. Только, значить, царица произнесла проклятье а колоколъ и рухнулъ съ колокольни на земь...

Послѣ осмотрѣли царь-пушку. Никишка увѣрялъ товарища, что французовъ въ 1812 году выгнали изъ Москвы царь-пушкой; а не будь въ ту пору такого огромнаго орудія, русскіе на вѣки вѣчные остались бы французскими плѣнниками. Акимка возразилъ, что онъ читалъ въ книгѣ, что французовъ изъ Москвы выгналъ голодъ и жестокий морозъ. Никишка не уступилъ товарищу. И каждый остался при своемъ убѣжденіи.

Ясный, погожий день неожиданно нахмурился. Небо подернулось сизыми тучами. Солнце скрылось. Дождь хлынулъ потокомъ.

Товарищи спрятались въ крытой подворотнѣ чужого дома. Переждали дождь.

— Пойдемъ къ моей матери,—позвалъ Никишка.

— Нѣтъ, ступай, а я домой,—отозвался Акимка.

— Грызика боишься? Эхъ, дуракъ!.. Ну, какъ знаешь. Тебѣ съ горы виднѣе...

Они разстались.

Акимка остальную часть праздника провелъ скучно. Послѣ обѣда хозяинъ заставилъ его колоть дрова и онъ пропотѣлъ за этой работой до самыхъ сумерекъ, а потомъ съ книжкой присѣлъ на крыльцо мастерской, но скоро стемнѣло и буквы слились въ одно непроглядное пятно.

На дворѣ обычно собрались кучками и малые и взрослые. Слышался громкій говоръ, смѣхъ, порою гдѣ-нибудь закипала злая перебранка.

Никишка вернулся отъ матери хмурый, скучный. Онъ не присталъ къ игравшимъ на дворѣ товарищамъ и въ мастерскую не пошелъ, а молча присѣлъ на крыльцѣ рядомъ съ Акимкой.

— Оедуль, зачѣмъ губы надуль? аль плакать собрался? шутливо спросилъ Акимка.

— Отвяжись!—сердито отмахнулся Никишка. Надоѣли всѣ, какъ горькая рѣдка!

Онъ всталъ и ушелъ въ мастерскую.

Ночью, когда легли спать, Никишка повѣдалъ товарищу свое горе.

— Мать больна,—сумрачно сказалъ онъ.—Работать не подѣ силу стало, голодаетъ. Пошелъ отъ нея и всю дорогу думалъ, какъ помочь ей—не придумалъ. Иду мимо живописца Рябцева, и толкнулся къ нему: возьмите поработать...

Никишка смолкъ, словно поджидалъ, что товарищъ ему попере- читъ. Но Акимка молчалъ.

— Нанялся я къ Золотухину на четыре года, а проработалъ два,—опять заговорилъ Никишка.—Уйду. Ему пора и честь знать. Поживился отъ моихъ рукъ и довольно.

Опять помолчалъ.

— Мать больна... буду кормить. Завтра уйду отъ гризика. Лаяться вздумаетъ, пусть, не боюсь.

— Что жъ, вѣришь—хорошо будетъ, ступай,—отозвался Акимка.

— Хуже не будетъ.

Утромъ Никишка не принялся за работу.

— Паспортъ отдай, Алексѣй Михайлычъ,—попросилъ онъ хозяина.

— Паспортъ? Зачѣмъ?—удивился Золотухинъ.

— Ухожу.

— Совсѣмъ?

— Конечно не вернусь.

— Постыдись, Никиша. Не по божески поступаешь. Два года тебя кормилъ, мастерству обучалъ. Зачѣмъ за добро зломъ расплачиваться?

— Спасибо, хозяинъ, твое добро то у меня въ бокахъ давно сидить... охаю. Кости ломить отъ твоего добра.

— Уйдешь, гадина?—въ минуту осерчалъ хозяинъ.—Не дамъ паспортъ. Я тебя въ тюрьмѣ сгною. Непослушникъ! погоди, матери пожалуюсь, пусть тебя ремнемъ проучить...

Никишка ушелъ безъ паспорта. Дверь жалобно проскрипѣла на петляхъ и захлопнулась, проглотила Никишку съ маленькимъ сундукомъ и подушкой въ рукахъ.

Золотухинъ, угрюмый, злой, спѣшно ходилъ изъ угла въ уголъ по мастерской.

Акимка сосредоточенно загроутовывалъ бѣлой краской вывѣску. Лице его отражало боязливый страхъ.

Неожиданно хозяинъ дернулъ мальчика за рукавъ.

— Смотри, гадина, не плати зломъ за мою хлѣбъ-соль,—прошипѣлъ онъ.

Акимка остановился передъ хозяиномъ боязливый, жалкій.

— У, паскуда!—и хозяинъ сильно пнулъ мальчика ногой.

Акимка удержался на ногахъ. Онъ ни звукомъ не выразилъ испытываемой боли, обиды, и молчаливо принялся за покинутую работу.

Золотухинъ ушелъ на чистую половину. Слышно было, какъ онъ злобно бранилъ жену, а Матрена въ свою очередь вспоминала браннымъ словомъ Никишку.

Акимка съ тайнымъ восторгомъ вслушивался въ перебранку хозяевъ. Онъ ярко радовался, что пришла минута, когда горе-горькое ущипнуло нелюбимаго хозяина.

Время шло обычно впередъ и впередъ. Акимка скучалъ по товарищѣ. Онъ завидовалъ Никишкѣ. Завидовалъ его свободѣ, завидовалъ его умѣнью хорошо работать.

Была темная ночь. Въ небѣ громоздились черныя тучи, спрятавъ отъ земли мѣсяцъ и звѣзды..

Акимка съ узелкомъ въ рукахъ, прокрался по двору за ворота. Онъ бѣжалъ отъ хозяина. Передъ глазами заманчиво развернулся путь къ родному поселку. Мать и отецъ издалека ему улыбались, кивали головами, манили...

Г. Володинъ.

ИГРЫ:

Пятнашки.

Пятнашки игра всеѣмъ извѣстная. Одинъ изъ играющихъ выбирается пятнашкою, остальные разбѣгаются, преслѣдуемые пятнашкою. Кого пятнашка запятнаетъ, тотъ становится пятнашкою. Пятнать только-что бывшаго пятнашкою не дозволяется. Иногда пятнашкѣ даютъ въ руки мѣлъ и онъ, вмѣсто того чтобы пятнать рукою, ставитъ кому-нибудь мѣломъ крестикъ, что сдѣлать нѣсколько труднѣе.

Чтобы легче запятнать, никогда не гонитесь за нѣсколькими, а преслѣдуйте одного и только тогда, когда увидите, что выбранный слишкомъ увертливъ и слишкомъ хорошо бѣгаетъ для васъ, вы вдругъ бросьтесь въ сторону и постарайтесь запятнать кого-нибудь другого.

(И. Гердъ. Сборникъ Игръ).

Палочка.

Какъ въ пряткахъ, все играющіе, за исключеніемъ одного, прячутся. Когда все спрятались, входитъ съ палочкою въ рукѣ тотъ, который долженъ искать. О своемъ приходѣ онъ извѣщаетъ ударами палочки по окну, столу или другому мѣсту, гдѣ назначено палочкѣ лежать. При этомъ онъ говоритъ: „Палочка пришла, никого не нашла“ и, оставивъ палочку на мѣстѣ, самъ идетъ отыскивать спрятавшихся. Замѣтивъ кого-нибудь, онъ бѣжитъ къ палочкѣ, ударяетъ ею и кричитъ: „такой-то найденъ, онъ тамъ-то“. Затѣмъ опять положивъ палочку на мѣсто, идетъ отыскивать остальныхъ, но самъ боится отойти далеко отъ палочки, такъ какъ каждый изъ ненайденныхъ можетъ прибѣжать, постучать палочкою и сказать: „Палочка выручена“, послѣ чего все вновь прячутся, а искавшій начинаетъ вновь искать. Увидѣвъ, что кто-нибудь изъ ненайденныхъ бѣжитъ къ палочкѣ, нужно самому поспѣшить къ палочкѣ и, прежде чѣмъ ее схватятъ, ударить ею и сказать: „такой-то найденъ“.

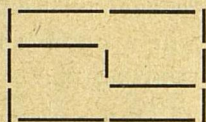
(И. Гердъ. Сборникъ Игръ).

Рѣшеніе задачъ, загадокъ и шарадъ.

См. № 5.

Какъ плотникъ распилилъ доску?*)

См. № 11.

Шарада: корм-а

Арифметическая задача:

Обозначимъ число сестеръ черезъ X , тогда по отвѣту брата будемъ имѣть: сестеръ было X , а братьевъ $2X + 1$, слѣдовательно братьевъ и сестеръ вмѣстѣ было $3X + 1$.

По отвѣту сестры имѣемъ сестеръ X , братьевъ $(X-1) \times 3 = 3X-3$, а всего братьевъ и сестеръ $4X-3$. Сравнимъ съ отвѣтомъ брата получимъ: $3X + 1 = 4X - 3$ или $3X + 1 + 3 = 4X$ т. е. $4 = X$. Слѣдовательно сестеръ было 4, а братьевъ $(4-1) \times 3$ т. е. $12-3 = 9$.

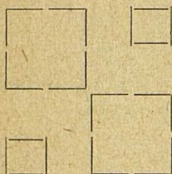
Задачи буквъ: 1) *в о з**о к а**з а л*2) *у х о**х о д**о д а*3) *л е в**е в а**в а л*

*) Правильное рѣшеніе этой задачи прислано А. Снѣсаревымъ.

См. № 12.

- Загадки 34 безъ рта.
 35 сигара.
 36 барабанъ.
 37 буква *н*.
 38 въ атласѣ.

Задача картъ. Разложите карты въ 4 ряда по 4 карты въ ряду. Оставшіяся 8 картъ положите сверху: въ верхнемъ и нижнемъ рядахъ по угламъ, во второмъ ряду на второй и третьей картѣ, въ третьемъ ряду тоже на второй и третьей картѣ.

Какъ получить 4 квадрата.

Ну-ка разгадайте.

Арифметическая задача.

(Шутка).

Въ городѣ А изъ города Б шелъ мальчикъ и гналъ свинью. На встрѣчу ему попались 2 мальчика, изъ которыхъ каждый гналъ тоже по свиньѣ. У всѣхъ трехъ мальчиковъ было въ карманѣ по двугривенному. Купивъ на всѣ свои деньги хлѣба, мальчики подѣлили его между собой и свиньями; причемъ всѣ мальчики получили хлѣба поровну *между собой* и всѣ свиньи получили также поровну *между собой*. На сколько копѣекъ хлѣба получилъ каждый мальчикъ и каждая свинья?

Когда человѣкъ сознается, что онъ ни больше, ни меньше какъ определенное число буквъ?

Въ какомъ словѣ содержится наибольшее количество буквы *а*?

Продолжается Подписка

на **НОВЫЙ** популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный

журналъ для **ДѢТЕЙ** 9—12-лѣтняго возраста,

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознание молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографія ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 3 рубля съ пересылкой, допускается разсрочка по 1 рублю при подпискѣ, 1-го марта и 1-го іюня.

Контора Редакціи: Москва, Малая Лубянка, 18. Тел. 94-02.

Секретарь Редакціи принимаетъ по понедѣл. и средамъ отъ 1 до 3 ч. дня.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.

СВѢТОПИСЬ

журналъ практической фотографіи и
ея примѣненій.

== Официальный Органъ Саратовскаго и Одесскаго Фотографическихъ Обществъ. ==

Двадцать четыре выпуска въ годъ. ☆ ☆ ☆ Ежемѣсячныя приложенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ МОСКВѢ: въ конторѣ журнала (Петровка, № 15), въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), въ магазинахъ „Художникъ“ (Камергерскій пер.), І. Покорнаго (Петровка), І. Стеффенъ (Столешниковъ пер.), О. Юхимъ и К^о (уг. Рождественки и Софійки), Р. Якобъ (Тверская), Л. Шимборскій (Кузнецкій пер.), „Жакъ“ (Петровка), въ конторѣ Т-ва „Побѣда“ (Новая Басманная) и др.

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ магазинѣ І. Стеффенъ, Казанская, 5.

„ ОДЕССѢ, въ магазинѣ І. Покорнаго, Еврейская, с. д.

„ КИЕВѢ, въ магазинѣ І. Покорнаго, Крещатикъ, 43.

„ РОСТОВѢ н/д., въ магазинѣ І. Покорнаго, Садовая, 51.

„ КАЛУГѢ, въ фотографіи В. Н. Ченцова

и во всѣхъ лучшихъ складахъ фотографическихъ принадлежностей и книжныхъ магазинахъ.

Члены Обществъ и служащіе казенныхъ и частныхъ учреждений, подписывающіеся чрезъ своихъ назначенцевъ, платятъ 2 рубля 50 копѣекъ.

Для ознакомленія съ журналомъ пробный абонементъ
на 1 мѣсяць бесплатно.

ПОЧТОВЫЙ АДРЕСЪ:

Въ Москву, журналу „Свѣтопись“,
коммер. ящ. 593.

Редакторъ-Издатель

И. Д. Перепелкинъ.